

возможно только чрезъ разрѣшеніе по существу тѣхъ недоразумѣній, которыя дѣлаютъ возможнымъ добросовѣстное заблужденіе въ тѣхъ или другихъ вопросахъ... Пусть въ модернизмѣ не открывалось пути, — это нужно показать. Но даже исторію соблазна нужно раскрывать изъ его послѣднихъ истоковъ. Этого Ривьеръ въ своей книгѣ не сдѣлалъ. Она написана не о церковномъ сознаніи, но о человѣческихъ спорахъ... И въ заключеніи о двухъ нелѣпыхъ курьезахъ. Дважды Ривьеръ упоминаетъ о Россіи, и оба раза неудачно. Онъ говоритъ о модернизмѣ въ Россіи и называетъ: Мережковскаго, Гр. Трубецкаго и Розанова, *héritiers plus ou moins directes de Tolstoi!* и приписываетъ имъ стремленіе къ замѣнѣ догмы чувствомъ и жизнью (р. 47)... Впрочемъ здѣсь его ввелъ въ ошибку о. А. Пальміери. Во второй ошибкѣ онъ самъ повиненъ: М. Зѣзѣховскаго онъ принимаетъ за православнаго, очевидно потому, что его статья была напечатана въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» (р. 451).

Георгій В. Флоровскій.

1930. XI. 7.

Orient und Occident. Blätter für Theologie und Soziologie. 4 Heft. Der russische Geist im Kampf um seine Existenz und der Protestantismus. Hinrichs Verl. Lpz. 1930.

Настоящій выпускъ представляетъ большой интересъ въ смыслѣ ознакомленія Запада съ русскими философскими, богословскими и социологическими теченіями, выросшими изъ революціи, имѣющими въ виду ея трагическій опытъ. Мы, русскіе, уже перестали изумляться тому непониманію «русской проблемы», которое на каждомъ шагу обнаруживаетъ Западъ; мы изумляемся скорѣе, когда встрѣчаемъ пониманіе, или даже желаніе насъ понять.

Первое мѣсто въ этомъ выпускѣ принадлежитъ статьѣ Г. Г. Кульмана «*Wo steht Gott in Russland?*» Она касается одного изъ самыхъ существенныхъ непониманій: непониманія православія, непониманія трагическихъ судебъ православной Церкви. Кульманъ даетъ достойный и глубокій отвѣтъ на тѣ нападенія, которыя обращены противъ православія со стороны нѣкоторыхъ нѣмецкихъ протестантскихъ круговъ, выросшихъ изъ бартіанства. Въ этихъ нападкахъ, обращенныхъ противъ гонимой Церкви, есть нѣкоторое существенное помраченіе, или извращеніе моральнаго сознанія, характерное для послѣвоенной Европы. Это помраченіе, поскольку оно проявляется въ современной Германіи, съ большой силой изображено въ послѣдней, 44 книгѣ.

«Современныхъ Записокъ». Оно-же изображено въ статьѣ Кульмана.

Der grundsätzliche Protestantismus ставитъ такой вопросъ: въ Россіи государство борется съ Церковью, и еще неизвѣстно, на чьей сторонѣ Богъ — на сторонѣ ли гонителей, или гонимыхъ. Въ «Современныхъ Запискахъ» изображенъ блестящій нѣмецкій салонъ. Нѣкто рассказываетъ о томъ, какъ разстрѣливали толстовцевъ; присутствующіе высказываются въ томъ смыслѣ, что Богъ, правда и справедливость на сторонѣ разстрѣливающихъ, а не разстрѣливаемыхъ. Разстрѣливающие суть настоящіе герои!

Быть можетъ это большевизанствующій снобизмъ, или фактопоклонство, преклоненіе передъ силою, передъ побѣдителемъ? Но такое чувство непонятно, когда оно исходитъ изъ протестантскихъ круговъ. Отъ тѣхъ, кто были когда-то защитниками *свободы совѣсти*, кто обращали свой протестъ противъ инквизиціи, мы могли бы ожидать большаго пониманія этической ситуаціи. Нужно по справедливости признать, что католическая Церковь неспособна произнести такое сужденіе. При всѣхъ своихъ несогласіяхъ съ православіемъ, она не будетъ сомнѣваться, «гдѣ Богъ въ Россіи» — въ православной-ли Церкви, или въ ГПУ. Конечно, большинство протестантовъ тоже не согласится съ приведенными мнѣніями, что и обнаружилось въ протестахъ противъ гоненій; но здѣсь именно видно, что означаетъ отсутствіе Церкви и непониманіе соборности: это оно ведетъ къ безответственнымъ сужденіямъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, которыхъ Церковь уже не могла-бы признать христіанскими.

Кульманъ даетъ обстоятельныя разъясненія принципа соборности въ православіи, принципа свободы и смиренія. Онъ показываетъ также величіе религіозной драмы Россіи, столкнове-ніе двухъ религій: христіанской и коммунистической, божественной и демонической. Позволительно еще добавить къ его соображеніямъ, что мы, православные, могли-бы перейти и въ наступленіе противъ бартіанства. Основное его положеніе: «Gott ist Gott und der Mensch ist der Mensch» ведетъ къ крайнему *разобщенію* Бога и человѣка и къ униженію человѣка, котораго Богъ вовсе не хочетъ. Въ лучшемъ случаѣ это дохристіанская, ветхозавѣтная религія. Это плохая діалектика, неспособная продумать идею *Богочеловѣчества*, діалектика *безъ Логоса*. Она должна прійти въ совершенное замѣшательство отъ словъ Христа: вы боги и сыны Всевышняго всѣ. Такое униженіе человѣка («прахъ и зола») ведетъ къ непониманію богоподобія, обоженія, свободы и соборности. Бартіанство есть мрачная религія, боящаяся человѣка, міра, исторіи, творчества; она «посыпаетъ главу пепломъ» и съ надоѣдливымъ однообразіемъ «раздираетъ ризы». Но трагическій жестъ не означаетъ пониманія настоящаго трагизма.

Тому, кто лежитъ во прахѣ, не надо повторять, что онъ «прахъ и зола»; ему говорить Христось: вы боги и сыны Всевышняго всѣ!

Статья Н. А. Бердяева о востокѣ и западѣ, написанная по поводу книги Массиса, «la Défense de l'Occident» ставитъ проблему, модную на западѣ, а также въ русскихъ кругахъ, проблему, поставленную еще евразійцами. Съ большой любовью къ Западу и, въ частности, къ французской культурѣ Бердяевъ устанавливаетъ правильное соотношеніе идейныхъ силъ Востока и Запада. Въ этой статьѣ видно, до какой степени мы, русскіе, не провинціальны, до какой степени мы всегда мыслимъ «въ міровомъ масштабѣ».

Напротивъ въ книгѣ Массиса видно, до какой степени французы, въ силу своей *самодостаточности* могутъ быть провинціальны. Думать, что за Рейномъ начинается Востокъ и считать культуру Запада только латинской культурой, совершенно игнорируя культуру германскую и англо-саксонскую, есть величайшій провинціализмъ.

Очень интересна отповѣдь, которую даетъ Fritz Lieb нѣмецкому поклоннику и переводчику Массиса, Moenius'у, дошедшему до самоотрицанія германской культуры. Статья Г. В. Флоровскаго показываетъ «тупики романтизма» на примѣрахъ Герцена и Леонтьева. Романтизмъ воодушевленъ пафосомъ натурализма и героизма: онъ приводитъ къ нигилизму. Достоевскій тоже проходитъ этотъ путь, но даетъ истинный выходъ.

Журналъ даетъ еще цѣнную статью Рейснера и переводъ Танталя Вячеслава Иванова, а также очень интересную хронику, касающуюся Россіи и ея отношеній къ Индіи и Китаю.

Б. Вышеславцевъ.

R. V. Hoyle The teaching of Karl Barth. An Exposition. Britisch Stud. Chr. Movem. Press. London 1930.

Самымъ примѣчательнымъ явленіемъ въ современномъ протестантизмѣ безспорно является такъ называемое «бартианство» — богословское теченіе, возглавляемое К. Бартомъ и представленное рядомъ выдающихся дѣятелей (Brunker, Gorgarten и др.). Послѣ замѣчательной книги К. Барта «Roman-